

РЕНУАР
Частная жизнь

Барбара Эрлих-Уайт

РЕНУАР

Частная жизнь

Санкт-Петербург

УДК 7.07
ББК 85
Э 79

Barbara Ehrlich White
RENOIR: AN INTIMATE BIOGRAPHY
Copyright © 2017 by Barbara Ehrlich White
Published by arrangement with Folio Literary Management, LLC
All rights reserved

Перевод с английского Александры Глебовской

Оформление обложки Валерия Гореликова

ISBN 978-5-389-15253-3

© А. В. Глебовская, перевод, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

Содержание

Предисловие	11
ГЛАВА 1. 1841–1877	25
ГЛАВА 2. 1878–1884	81
ГЛАВА 3. 1885–1893	141
ГЛАВА 4. 1894–1900	185
ГЛАВА 5. 1901–1909	235
ГЛАВА 6. 1910–1915	289
ГЛАВА 7. 1915–1919	343
Послесловие	385
Избранные произведения Ренуара в музеях мира	390
Примечания	393
Избранная библиография	468
Права на изображения предоставлены	482
Благодарности	484
Указатель имен	486

*Эту книгу я посвящаю
своему мужу и лучшему другу Леону, который с 1961 года
поддерживает меня во всех моих начинаниях,
нашим сыновьям Джоэлу и Дэвиду,
внучкам Элле и Нине, невестке Хайди.
Кроме того, хочу поблагодарить
своего наставника и советчика,
покойного профессора Мейера Шапиро,
который в 1961 году предложил мне Ренуара
в качестве темы докторской диссертации:
с тех пор я занимаюсь Ренуаром
всю свою жизнь.*

Все упомянутые в книге картины выполнены на холсте,
если не указано иное.

Глава 1

1841–1877

Ренуар в возрасте до 36 лет.
Богемный лидер импрессионистов.
Натурщица Лиза и их тайные дети Пьер и Жанна

В ноябре 1861 года, когда ему было всего двадцать лет, Ренуар принял одно из самых важных решений в своей жизни: он поступил учиться в парижскую мастерскую швейцарского художника Шарля Глейра. На фотографии примерно тех лет Ренуар запечатлен серьезным, вдумчивым молодым человеком. Мастерская Глейра была одной из многих в составе Школы изящных искусств (финансируемого за счет государства художественного учебного заведения в Париже), где, занимаясь живописью и рисунком, студенты изучали анатомию и перспективу. В мастерской Глейра Ренуар познакомился с людьми, которые сыграли очень важную роль в его дальнейшей жизни. Примерно годом позже Ренуара в мастерской Глейра начали заниматься сначала Альфред Сислей (в октябре 1862 года), потом Фредерик Базиль (в ноябре) и, наконец, Клод Моне (в декабре)¹. К 31 декабря 1862 года они уже крепко сдружились и вместе праздновали Новый год в парижском доме Базиля². Через друзей по мастерской Ренуар познакомился с Полем Сезанном и Камилем Писсарро, которые учились по соседству, в Швейцарской академии. Эти художники не только сделали пожизненными друзьями Ренуара, но и сыграли важнейшую роль в его творческом становлении. Пару лет спустя Ренуар также сдружился с Эдуардом Мане и Эдгаром Дега. Благодаря им он впоследствии познакомился с двумя художницами, Бертой Моризо и Мэри Кассатт. К началу 1870-х все эти художники образовали ядро течения, получившего название импрессионизм. За счет общительности и обаяния Ренуару, несмотря на его

скромное происхождение, удавалось заводить многочисленные знакомства. От новых друзей-художников его отличало то, что только он один был родом из семьи ремесленников. Другие принадлежали к более высоким классам общества, а значит, могли похвалиться лучшим образованием и более широкими связями в мире искусств. Базиль, Кассатт, Дега, Мане, Моризо и Сислей принадлежали к высшему классу, Сезанн, Моне и Писсарро — к среднему. Ближе к сорокалетию Ренуар подвел итог годам своего ученичества: «Не имея богатых родителей и желая стать художником, я начал с ремесла: фарфор, фаянс, шторы, росписи в кафе»³. И хотя Ренуар начинал как ремесленник, его более состоятельные друзья не считали, что низкое происхождение умаляет его художественное дарование. С самых первых лет дружбы с ними Ренуар не стыдился просить о помощи, если ему не на что было купить краски или еду или негде работать и ночевать, — и они неизменно проявляли щедрость, порой относясь к нему как к родственнику. От других Ренуара отличало не только скромное происхождение, но и нервность, которую обострял его статус отщепенца. Тем не менее он пользовался неизменной любовью окружающих, многие испытывали к нему неподдельное уважение. Эдмон Мэтр, друг Базиля из числа богатых буржуа, а также приятель молодого художника Жак-Эмиля Бланша, был удивлен и восхищен тем, что человек столь низкого происхождения и с таким нервическим характером способен проявлять твердость и работоспособность. Бланш цитирует слова Мэтра о Ренуаре, которому тогда был 41 год: «Когда Ренуар в хорошем расположении духа, что большая редкость, и когда он дает себе волю, что еще бóльшая редкость, он говорит с отменным красноречием, на удивительном, своеобразном языке, который не вызывает отторжения у культурных людей. Кроме того, характеру его присуща такая неподкупная честность и такая бесконечная доброта, что мне всегда приятно слушать его разговоры. При ближайшем рассмотрении видно, что он наделен большим здравым смыслом, да, здравым смыслом и скромностью; очень тихо и невинно он с упорством пишет свои такие непохожие друг на друга, такие тонкие работы, от которых у будущих знатоков голова пойдет кругом»⁴.

Происхождение Ренуара было даже скромнее, чем представлялось Мэтру: дед художника родился в 1773 году, в правление Людовика XV, в городе Лимож в центральной части Франции, и его новорожденным

Ренуар в 1861 году. Фотограф неизвестен

оставили на ступенях городского собора. То, что дед Ренуара был подкидышем, возможно, объясняло особое сочувствие художника и к своим, и к чужим незаконным детям. В свидетельстве о рождении деда написано: «В год от Рождества Господа нашего 1773-й, восьмого числа января месяца был крещен... новорожденный подкидыш мужского пола и наречен именем Франсуа»⁵. Подкидышам, как правило, давали фамилию приемных родителей. Этого ребенка взяли к себе люди по фамилии Ренуар — писалась она Renouard. Через двадцать три года, когда Франсуа женился, писец попросил его назвать свою фамилию. На момент венчания в 1796 году ни Франсуа, ни его невеста не знали грамоты. Франсуа произнес свою фамилию вслух, а писарь записал ее как Renoir — так возникло новое семейное древо, потому что людей с такой фамилией в Лиможе прежде не было⁶. На момент вступления

в брак двадцатидвухлетний Франсуа был сапожником — изготавливал деревянные сабо. Его невеста Анна Ренье, старше его на три года, происходила из семьи местных мастеровых: отец ее был плотником, а мать — швеей.

Старший сын Франсуа (отец Ренуара), Леонар, родился в Лиможе в 1799 году, в дни Французской революции⁷. Он стал портным по пошиву мужского платья. В возрасте 29 лет он женился на подручной портнихи, Маргарите Мерле, которой был 21 год, — она родилась в маленьком городке Сент⁸. Ее отец Луи также был портным и шил мужское платье, мать не работала. У родителей Ренуара родилось семеро детей, двое из них умерли в младенчестве. Художник стал четвертым из пяти выживших. Ренуар и трое его старших братьев и сестер родились в Лиможе. На момент появления Ренуара на свет Пьеру-Анри было девять (родился в феврале 1832 года), Мари-Элизе (или Лизе, родилась в феврале 1833-го) восемь, а Леонар-Виктору (или Виктору, родился в мае 1836-го) — четыре с половиной года⁹.

Пьер-Огюста обычно звали просто Огюстом. В его свидетельстве о рождении написано: «Сего 25 февраля 1841 года, в 3 часа пополудни... Леонар Ренуар, 41 года от роду, портной, проживающий на бульваре Сен-Катрин [теперь это бульвар Гамбетта]... предъявил нам ребенка мужеска пола, нареченного Пьер-Огюстом, которого тем же утром произвела на свет... Маргарита Мерле, его жена, 33 лет»¹⁰. На момент рождения художника его родители уже состояли в браке 13 лет. Они были католиками, и в день своего рождения Пьер-Огюст был крещен в церкви Сен-Мишель-де-Лион.

Когда в мае 1845 года скончался дед Ренуара по отцовской линии, отец его перевез семью в Париж¹¹. В то время многих провинциальных портных влекла французская столица, население которой еще не достигло миллиона¹². В путь семья отправилась единственным доступным видом транспорта — дилижансом. Они нашли себе жилище неподалеку от Лувра и протестантской церкви Тампль-де-л'Оратуар на рю Библиотек, теперь это Первый округ¹³. Здесь в мае 1849 года, когда Ренуару было восемь лет, родился его младший брат Виктор-Эдмон (или Эдмон).

За год до рождения Эдмона, в возрасте семи лет Ренуар поступил в католическую школу Братства христианских школ, где проучился

шесть лет. В то же время его взяли певчим в хор Шарля-Франсуа Гуно при церкви Сент-Эташ в центре Парижа (с 1852 года Гуно был дирижером парижского хорового общества «Орфеон»). Хотя в молодости Ренуар и был учеником католической школы и певчим, в более поздние годы он, по словам его сына, «редко заходил в церковь, если заходил вообще»¹⁴.

В какой-то момент между 1852 и 1855 годом семью Ренуар выгнали из старой квартиры в связи с модернизацией города, которую проводил барон Осман¹⁵. Следуя его плану, на месте старых узких грязных улиц и разваливающихся зданий создавали широкие, обсаженные деревьями бульвары с элегантными строениями и эффективной системой канализации. Ренуары переехали за несколько кварталов от старого жилища, в дом 23 по рю д'Аржантёй, сегодня это Первый округ. В документации на квартиру есть запись, что портной мужского платья «Léonard Raynouard» снимал комнаты на пятом и шестом этаже (по нашей системе — на шестом и седьмом). Сохранилось и описание здания: «В нем имеются магазин и тридцать три сдающихся внаем квартиры для заводских и строительных рабочих со скромным достатком»¹⁶. Родители Ренуара и пятеро их детей занимали три небольшие комнаты на пятом этаже. На шестом, по всей видимости, находились ателье Леонара и мастерская Маргариты¹⁷. В этом доме Ренуары прожили до 1868 года, после чего родители вышли на пенсию и переехали в пригород Парижа Лувесьен. То, что детские годы Ренуар провел совсем рядом с Лувром, стало счастливым совпадением — с 1793 года по выходным доступ в великий музей был свободным, художники же могли приходить туда бесплатно в любой день недели.

Старший брат Ренуара Пьер-Анри продолжил семейную традицию и стал ремесленником. Под руководством Самуэля Даниэля, пожилого ювелира-еврея, он обучился огранке драгоценных камней и изготовлению медалей. Даниэль взял Пьера-Анри под свое покровительство, познакомил со своей сожительницей Жозефиной Бланш, швеей, и с их (незаконной) дочерью Бланш-Мари Бланк, которая была на девять лет моложе Пьера-Анри. Даниэль был законным опекуном Бланш (*tutor datif*), семья проживала по адресу: рю Нёв-Сент-Огюстен, 58. В июле 1861 года Пьер-Анри и Бланш поженились, — соответственно, у Ренуара появилась невестка, которая была одновременно и незаконно-

рожденной, и еврейкой по отцу¹⁸. В 1879 году Даниэль отошел от дел, и Пьер-Анри унаследовал его граверную мастерскую. К этому моменту он уже приобрел известность как специалист по гравировке переплетающихся орнаментов, а еще в 1863-м он опубликовал руководство по созданию монограмм, которое четыре года спустя было переведено на английский и вышло под названием «Полное собрание цифр и инициалов»¹⁹. Пьер-Анри впоследствии написал и опубликовал еще две книги²⁰. Все обращения художника Ренуара к письменному слову — в 1877, 1884 и 1911 годах — были вдохновлены примером старшего брата.

В 1854 году, когда Ренуару было 12 или 13 лет, ему пришлось, по семейным денежным обстоятельствам, бросить школу и найти работу. Родители решили, что он, как и Пьер-Анри, должен стать ремесленником; не исключено, что наниматель Анри дружил с Теодором и Анри Леви, владельцами мастерской Леви, которые были известны как «производители бронзовых изделий» и «художники, декораторы и позолотчики по фарфору»²¹. Ренуар проявил себя художественно одаренным юношей, а семья его происходила из Лиможа, города, известного своим фарфором, — в результате родители решили, что он сможет расписывать фарфоровые вазы, чашки и тарелки. В смысле необходимых навыков, эта работа была очень близка к станковой живописи, подмастерья становились умелыми художниками. Кроме того, они могли заработать значительно больше, чем 3,6 франка в день — таков был средний доход портного²². Ренуар поступил подмастерьем в мастерскую братьев Леви в доме 76 по рю Фоссе-дю-Тампль (нынешней рю Амело, Одиннадцатый округ), где, по всей видимости, проработал четыре или пять лет, до 1858 года²³. В годы ученичества Ренуар копировал картинки в стиле рококо — цветы и фигурки. В те времена картины Ватто, Фрагонара и Буше пользовались большой популярностью, ряд их работ незадолго до того был приобретен Лувром²⁴. Ренуар сохранил на память несколько своих фарфоровых изделий, например «две вазочки, украшенные букетами и с инициалами „ОР“, датированные 1855 годом»²⁵, а также детально проработанные карандашные рисунки, например «Птицы и тамбурины»²⁶. Сохранил он и пару подсвечников в форме ваз, с обнаженными фигурами с одной стороны и щитами с другой, а также три карандашных наброска к ним²⁷. Несколько лет спустя, когда в фарфоровое производство пришла индустриализация, Ренуар лишился работы

и начал зарабатывать тем, что расписывал ширмы и оконные шторы — по тюлю, коленкору и вощенной бумаге, для квартир, лавок и пароходов. Два года он работал на некоего месье Жильбера, проживавшего по адресу: рю дю Бак, 63, неподалеку от Школы изящных искусств на левом берегу Сены²⁸.

В этот период Ренуар целыми днями работал, а по вечерам посещал занятия по рисунку в бесплатной муниципальной художественной школе, которой руководил скульптор Луи-Дени Кэйуэт, директор Школы рисунка и декоративных искусств на рю Пти-Карро, в нынешнем Втором округе²⁹. В программу обучения входило копирование работ старых мастеров. В восемнадцатилетнем возрасте, а именно 24 января 1860 года, Ренуар получил разрешение делать карандашные и живописные копии произведений из коллекции Лувра — как в залах, так и в запасниках отдела графики; это разрешение постоянно возобновлялось в течение следующих пяти лет³⁰. Ренуар очень трепетно относился к некоторым из этих своих ранних копий (несколько штук он подарил племяннику Эдмону), среди которых много классических как по теме, так и по стилю: детальная карандашная прорисовка «Гектора и Париса», живописная копия «Венеры и Амура» (обе — 1860 г.), рисунок «Гомер и пастухи» (подписанный «Ренуар. 11 января 1861») и выполненная карандашом и углем копия «Вакханалии» (подписанная «Ренуар. 15 июня 1861») ³¹. В том же году он создал живописную копию «Коронации Марии Медичи». Два года спустя Ренуар скопировал другую картину Рубенса — «Елена Фоурмен с сыном» ³². Еще в те дни, когда Ренуар считался ремесленником, восхищение Рубенсом снискало ему прозвище «Месье Рубенс». Вот что пишет его младший брат Эдмон, журналист, в статье, посвященной работе в мастерской Леви: «Через несколько месяцев ученичества Ренуара попросили делать рисунки на изделиях из фарфора — обычно это поручали рабочим. Это вызвало насмешки. Они [его коллеги] в шутку прозвали его Месье Рубенс, а он плакал из-за того, что над ним подшучивали» ³³. У Эдмона сохранился соусник, расписанный братом, — с копией «Купающейся Дианы» Буше ³⁴.

Помимо копирования, Ренуар писал и собственные работы — начиная лет с восемнадцати. Один его натюрморт с изображением букета цветов имеет подпись и дату: «Июнь 1858 / Ренуар». Еще одна его

ранняя работа, выполненная примерно в девятнадцатилетнем возрасте, — портрет матери, которой тогда было 53 года³⁵. Он изобразил ее в капоре, глядящей в сторону. Ренуар очень любил эту работу: других изображений родителей, братьев или сестер в коллекции, которая осталась после его смерти, нет.

В этот период — днем работа, вечером занятия в художественной школе — Ренуар познакомился с Эмилем-Анри Лапортом, учеником гравера, а впоследствии живописцем и художником-декоратором, который тоже обучался в Школе рисунка и декоративных искусств. Лапорт раньше Ренуара начал посещать уроки живописи в мастерской художника швейцарца Глейра — за исключением оплаты натурщиков, ежемесячно обходившихся в 10 франков, обучение у Глейра было бесплатным. В ноябре 1861 года, когда Ренуару шел двадцать второй год, семейные обстоятельства позволили ему прекратить зарабатывать деньги ремеслом и приступить к осуществлению заветной мечты — стать художником. Вслед за Лапортом Ренуар бросил занятия рисунком и поступил в мастерскую Глейра, находившуюся в доме 69 по рю Вожирар, на левом берегу Сены. Занимаясь там, он продолжал изучать и копировать произведения с экспозиции Лувра; кроме того, Глейр написал Ренуару рекомендательное письмо, позволявшее ему копировать гравюры в Кабинете эстампов Национальной библиотеки³⁶. Глейр готовил своих студентов к вступительным экзаменам в находившуюся рядом Школу изящных искусств, где можно было обучаться за государственный счет. В апреле 1862 года, через пять месяцев после начала обучения у Глейра, Ренуара зачислили в Школу, хотя результаты у него были не блестящие (68-й из 80)³⁷. В Школе студентов готовили к участию в ежегодной выставке — Салоне, который проходил в апреле.

Сорок лет спустя Ренуар так описывал в интервью годы своего ученичества: «Взаимонепонимание возникло в самом начале моей учебы в Школе изящных искусств. Я был невероятно прилежным студентом, старательно занимался академической живописью, изучал классический стиль, но меня ни разу не похвалили, и все мои преподаватели единодушно объявляли мои работы чудовищными»³⁸. Да, отличником Ренуар не был, однако в данном случае преувеличивает: в 1863 году он был двадцатым из восьмидесяти студентов, сдававших экзамен по рисованию фигур³⁹. В интервью 1904 года Ренуар «говорил, как помогло им-

прессионистам то, что они дружили между собой и делились результатами своих изысканий. Посещать художественные классы очень важно, поскольку, если все время работаешь один, приходишь к убеждению, что все твои работы очень хороши. В художественной школе ты видишь, что делает сосед. Увидеть, что у соседа получилось лучше, очень полезно»⁴⁰.

В 1860-е годы для молодого художника самым верным способом достучаться до платежеспособной публики было участие в ежегодном Салоне, который финансировался за счет государства. Работы сначала должны были получить одобрение официальной выставочной комиссии, а потом они экспонировались в залах и оценивались художественными критиками. Отзывы имели колоссальное значение, от них зависело, какую цену художник может запросить за свои работы. Даже в 1882 году Ренуар писал: «В Париже не наберется и пятнадцати знатоков, способных признать художника без помощи Салона. Зато таких, которые не приобретут и носа [от портрета], если художник не участвовал в Салоне, 80 000»⁴¹. Именно поэтому с 1863 по 1890 год Ренуар добросовестно выставлял свои работы на Салоне, с разной степенью успеха⁴². Даже если его работы и принимали, вешали их обычно там, где их трудно было увидеть. В том же интервью 1904 года Ренуара спросили, почему он перестал выставляться на Салоне: «Совершенно ошибочно... думать, что я что-то имею против выставок. Напротив, никто их так не поддерживает, как я, так как, по моему мнению, картины для того и существуют, чтобы их видели. А если Вас удивляет то, что Вы не видите моих работ в залах Салона, и если Вам интересно знать почему, то все совсем просто. Мои работы отвергали. Оценкой комиссии — если это можно назвать оценкой — служил взрыв смеха. И вот в один прекрасный день у этих господ случилось не столь жизнерадостное настроение и они все-таки решили взять одну из моих картин, но ее, бедняжку, повесили под лепниной или под карнизом — чтобы никто не смог ее толком разглядеть. Насколько я помню, я отправлял им свои работы на протяжении лет двадцати; раз десять я получал безжалостный отказ, в остальных десяти случаях принимали примерно одну работу из трех и вешали именно так, как я Вам сказал... Все эти отказы и проблемы с развеской отнюдь не способствовали хорошим продажам, а мне нужно было зарабатывать на пропитание, что было

совсем непросто»⁴³. Ренуар несколько утрирует. На самом деле он официально подавал заявки на участие в Салоне на протяжении 27 лет, с 1863 по 1890 год. Ему отказали четырежды, приняли его работы десять раз. И хотя в течение нескольких лет он выставлялся на Салоне довольно успешно, эта выставка отнюдь не была идеальной для его произведений.

Весной 1864 года Глейр закрыл свою мастерскую из-за проблем со здоровьем. Тогда же Ренуар оказался десятым из 106 претендентов на продолжение занятий в Школе изящных искусств. К моменту ухода из мастерской Глейра он увлекся работами художника-реалиста Эдуарда Мане, который был его старше на девять лет. Мане был ровесником Пьера-Анри и стал для Ренуара своего рода старшим братом — наставником и примером для подражания⁴⁴. Мане ориентировался на художников-реалистов предыдущего поколения — Курбе, Коро и других. В 1863 году (Ренуар тогда еще занимался у Глейра) Мане написал две новаторские картины — «Завтрак на траве» (выставлена на Салоне отверженных в 1863 году) и «Олимпию» (выставлена на Салоне в 1865-м). Они вызвали настоящую бурю в консервативных кругах Парижа, однако снискали Мане симпатии Ренуара и его друзей. Хотя обе работы являются собой пример новаторской темы, представленной в новаторском стиле, обе они отсылают к известным картинам, находящимся в музейных собраниях: «Завтрак» — к «Пасторальному концерту» Джорджоне из собрания Лувра, «Олимпия» — к «Венере Урбинской» Тициана из галереи Уффици во Флоренции. Ренуару близка была цель Мане: писать современную жизнь в современном стиле, оставаясь наследником мастеров прошлого. Некоторые из ранних картин Ренуара, например «Трактир матушки Антони» (1866) и «Лиза и Сислей» (1868), говорят о том, что он создал собственный реалистический стиль, однако под безусловным влиянием Мане.

Ренуар и его друзья встречались с Мане по пятницам, в 17:30, в кафе «Бад» в центре Парижа. В 1866 году Мане переместился в кафе «Гербуа» по адресу: Гранд-рю Батиньоль, дом 11 (теперь — авеню Клиши), в северо-западной части города, в районе, называвшемся Батиньоль. В 1876 году место встреч снова поменялось, на сей раз им стало кафе «Нуфель-Атен» на площади Пигаль. Состоятельный, прекрасно образованный Мане был интеллектуальным лидером и самым старшим из

участников группы, которая впоследствии получила название импрессионистов. Среди будущих импрессионистов, посещавших эти встречи, были также Базиль, Сезанн, Дега, Моне, Писсарро и Сислей. Из видных импрессионистов не участвовали в этих встречах только Моризо и Кассатт, потому что для женщин из высших слоев общества считалось неприличным ходить с друзьями в кафе. В числе посетителей, не относившихся к числу художников, можно отметить богатого живописца-любителя и музыканта Мэтра, близкого друга Базиля, а также фотографа Гаспар-Феликса Турнашона, известного под псевдонимом Надар, и писателя и критика Эмиля Золя; появлялись там и другие критики, писатели и коллекционеры; хотя сами они и не писали картин, их часто упоминают в связи с этим течением в современном искусстве.

Из всех молодых художников, своих последователей, Мане выделял Ренуара, считая его своим преемником, Ренуар же, в свою очередь, считал Мане наставником. Подтверждение тому — большая картина Анри Фантен-Латура «Мастерская в квартале Батиньоль» (1869), написанная для Салона 1870 года, где Мане изображен сидящим за мольбертом в окружении своих друзей, художников и писателей⁴⁵. В их числе (слева направо) — Отто Шольдерер, Ренуар, Захария Астриук, Золя, Мэтр, Базиль и Моне. Мане специально попросил Фантена изобразить Ренуара с ним рядом. Фантен не только выполнил его просьбу, но и изобразил голову Ренуара на фоне золотой рамы, словно бы окруженную нимбом. Ренуар стоит с опущенным лицом — что, по-видимому, должно свидетельствовать о способности тонко чувствовать и преклонении перед мастером. Несмотря на скромное происхождение, к двадцати девяти годам Ренуар не просто сдружился с самыми передовыми художниками и писателями своего времени — они воспринимали его как наследника своего вождя. Мане до самой смерти продолжал дружить с Ренуаром и оказывать ему поддержку, а тот отвечал почтительностью и уважением. Ренуар продолжал с признательностью относиться к Мане и после смерти последнего в 1883 году: это выразилось в близкой дружбе с братом и невесткой Мане, Эженом Мане и Бертой Моризо, а также с их дочерью Жюли Мане.

Работы Мане вызывали у организаторов Салона такое же презрение, как и работы Ренуара и его друзей. В этот ранний период Ренуар писал в реалистическом стиле, напоминающем стиль Мане, и отзывы

большинства критиков были отрицательными. Однако некоторые, вроде Золя, — те, кто относился к Мане с благосклонностью, — иногда хвалили и работы Ренуара. Когда на Салоне 1868 года была показана «Девушка с зонтиком» Ренуара, Золя посвятил творчеству «модернистов» отдельную статью⁴⁶. Другие критики отметили, что Ренуар многим обязан Мане⁴⁷.

Мане считался старшим «сановником» в стане импрессионистов и тем не менее отказывался участвовать в их коллективных выставках. Его взгляды оставались консервативными, от считал, что достучаться до зрителя и критиков можно, только выставясь на официальных Салонах. Тем не менее Мане помогал своим младшим друзьям с организацией выставок, — например, в 1877 году он писал видному художественному критику Альберу Вольфу: «Может, пока эта живопись Вам не нравится, но когда-нибудь обязательно понравится. А тем временем будет очень любезно с Вашей стороны написать про них что-нибудь в „Фигаро“»⁴⁸.

В 1870-е годы вольнолюбивые молодые импрессионисты отказывались от участия в государственных Салонах, равно как и от официального признания — например, от орденов Почетного легиона. Мане, несмотря на свое творческое новаторство и положение лидера импрессионистов, считал необходимым оставаться, до определенной степени, в консервативном русле и отказался выставлять свои работы вместе с импрессионистами — вместо этого он продолжал подавать их на официальные Салоны. Впоследствии он принял звание кавалера ордена Почетного легиона. Ренуар, будучи членом бунтарской группы импрессионистов, во многом отличался от сверстников и высоко ценил консервативный реализм Мане. В 1881 году, когда Мане наконец-то получил орден Почетного легиона, но уже умирал от спинной сухотки — последствия сифилиса, Ренуар, который в тот момент был в отъезде, поздравил его: «Вернувшись в столицу, я поздравлю Вас как художника, пользующегося всеобщей любовью и официальным признанием... Вы — жизнелюбивый борец, не испытывающий ни к кому ненависти, точно древний галл, и я восхищаюсь тем, что Вы остаетесь счастливым даже во дни торжества несправедливости»⁴⁹. Мане ответил незамедлительно: «Я уверен, что ты вернешься со множеством работ, очень самобытных и занимательных... С бесконечной признательностью, мой до-

рогой Ренуар, и привози побольше полотен»⁵⁰. Мане, безусловно, оценил тот факт, что Ренуар с пониманием отнесся к его поступку — принять орден Почетного легиона, несмотря на связанные с этой наградой консервативные коннотации.

Мане ценил Ренуара как талантливого художника, но покупатели и критики не спешили следовать его примеру — именно поэтому до пятидесяти лет у Ренуара регулярно возникали финансовые проблемы. До тридцати лет он принимал финансовую помощь нескольких состоятельных друзей-художников. Благодаря его обаянию и дружелюбию богатые друзья часто вводили его в свой семейный круг. Друзья помогали найти место для работы и жилье, а также деньги на материалы; иногда они доставали ему заказы на портреты и интерьерные работы. По сути, он зависел от финансовой помощи многих своих друзей, но никто из них, похоже, не возражал.

Поскольку в квартире его родителей было всего три комнаты на семерых, Ренуар охотно перебирался в квартиры и мастерские друзей, чтобы там писать, хранить полотна и попросту жить. Родители Ренуара прожили в Париже до 1868 года, когда ему исполнилось 27 лет, но начиная с 1862 года он постоянно вписывает в заявки на выставки адреса друзей. В Школе изящных искусств он указал свой адрес как дом 29 по плас Дофин на острове Сите — там жил его друг Лапорт. На протяжении следующих восьми лет он по разным поводам сообщает, что живет у того или другого из состоятельных друзей-художников — Базиля, ле Кёра, Мэтра и Сислея. Эти коллеги признавали талант Ренуара и с готовностью предоставляли ему место для жизни и работы, не говоря уж о финансовой помощи.

Кроме того, состоятельные друзья старательно искали ему заказы на портреты. Сам Ренуар предпочитал писать жанровые сцены, как и Мане, но, поскольку продать такие работы было сложно, Ренуар не пренебрегал и «второстепенным», по его представлениям, видом искусства: он сделался портретистом. Хотя в моду начали входить фотографические портреты, живописные продолжали оставаться востребованными. Впрочем, с ними всегда существовала одна проблема: нужно было угодить заказчику. Начиная с 1864 года портрет на протяжении двадцати лет оставался для Ренуара основным жанром. Из 397 выполненных им изображений людей 164 — это портреты, 161 жанровая сцена, 28 изоб-

ражений обнаженной натуры и 9 декоративных работ⁵¹. В 1864-м, когда Глейр закрыл свою мастерскую, Ренуар написал портреты Лапорта и его сестры Мари-Зели Лапорт⁵². Кроме того, он создал портреты Сислея и его отца, Уильяма Сислея⁵³. Эти портреты, как и многие заказные работы Ренуара, относящиеся к периоду между 1864 и 1870 годом, выполнены в традиционном реалистическом стиле. Портрет Уильяма Сислея очень похож на фотографию, которая, возможно, и послужила натурой⁵⁴. Он был заявлен на Салон и вывешен там как «Портрет М. У. С.».

Кроме того, Сислей и Ренуар вместе писали пейзажи в районе Фонтенбло, в 56 километрах к юго-востоку от Парижа, куда в те времена можно было доехать на поезде. Много лет спустя, в 1897-м, Ренуар сказал одному другу: «В молодости я часто ездил в Фонтенбло с Сислеем, брал этюдник и надевал рабочую блузу. Мы шли пешком, пока не попадалась какая-нибудь деревня, а возвращались иногда только через неделю, когда заканчивались деньги»⁵⁵. В 1860-е в семье Сислея очень гостеприимно относились к Ренуару — иногда он ночевал у них в доме по адресу: авеню де Нейи, дом 31, в Порт-Майо⁵⁶.

Кроме Лапорта и Сислея, Ренуар иногда обращался за поддержкой к Базилю, который происходил из состоятельного семейства, проживавшего в Монпелье. Примерно в 1864 году Базиль писал родителям — тогда у него была мастерская на рю Вожирар: «У меня гостит один приятель, бывший студент Глейра, у которого сейчас нет своей мастерской. Ренуар (так его зовут) очень трудолюбив. Он использует моих натурщиков и даже помогает мне их оплачивать. Мне приятно, когда дни проходят не в полном одиночестве»⁵⁷. Отец Базиля впоследствии упомянул об их «братской дружбе»⁵⁸ — которая очевидна из письма Ренуара к Базилю: «Поцелуй за меня мать и отца. Передай мои наилучшие пожелания всему семейству — твоим двоюродным, твоей прелестной тетушке, о которой мы так любим говорить, твоей невестке и малышу; мне он очень нравится — этот ребенок далеко пойдет. Осторожнее с экипажами! Твой друг О. Ренуар»⁵⁹. Начиная с двадцатитрехлетнего возраста Ренуар на протяжении шести лет периодически жил у Базиля в разных парижских квартирах, которые одновременно служили тому и мастерскими. С июля 1866-го по декабрь 1867 года Базиль и Ренуар жили и работали в доме 20 по рю Висконти, на Левом берегу. С января 1868-го до весны 1870-го они жили в доме 9 по рю ла Пэ (теперь —

дом 7 по рю Ла Кондамин) в квартале Батиньоль, к западу от Монмартра, недалеко от кафе «Гербуа», где проходили встречи с Мане. В апреле 1870 года Ренуар и Базиль вернулись на несколько месяцев на Левый берег и поселились в доме 8 по рю Боз-Ар. Поскольку квартирka была крошечной, Ренуар иногда (например, летом 1870 года) гостил у друга Базиля Мэтра — тот жил неподалеку, в доме 5 по рю Таран (теперь — бульвар Сен-Жермен).

Базиль не только предоставлял Ренуару крышу над головой, но и поддерживал его в творческом плане. Во время майского Салона 1867 года, на котором Ренуар представил «Лизу с зонтиком»⁶⁰, Базиль объяснял родителям: «Мой друг Ренуар написал отличную картину, которая всех поразила. Надеюсь, что на выставке его ждет успех, он в нем очень нуждается»⁶¹.

Несколько месяцев спустя, в ноябре или декабре 1867 года, Ренуар и Базиль написали в мастерской на рю Висконти портреты друг друга. Базиль поддерживал не только Ренуара, время от времени он помогал и Моне. За несколько месяцев до этого обмена портретами Базиль писал родителям: «Моне... будет до конца месяца ночевать у меня. Получается, что, если считать и Ренуара, я буду давать кров двум нуждающимся художникам. Настоящий лазарет, и мне это очень по душе. Места достаточно, а они оба — люди жизнерадостные»⁶². И Ренуар, и Моне пользовались финансовой поддержкой Базиля, в результате между ними возникла дружба, которая продолжалась пятьдесят семь лет. В возрасте семидесяти одного года Ренуар сказал в интервью: «Человек, хочет он того или нет, живет в свое время. Спросите меня про Мане, Моне, Дега или Сезанна, и я дам Вам четко сформулированные ответы, поскольку я жил, работал и бедствовал вместе с ними»⁶³. Моне в поздние годы испытывал те же чувства. Через месяц после смерти Ренуара он говорил в интервью о «наших ранних годах с их невзгодами и надеждами»⁶⁴. Карьеры их развивались по схожим траекториям. Оба пережили почти тридцать лет неприятия, за которыми последовали всемирная слава и богатство.

Ренуар не только превозносил достоинства работ Моне, он говорил и о том, как помогла ему твердость Моне в те годы, когда критики и зрители насмехались над импрессионизмом. В старости Ренуар признался своему другу Альберу Андре: «Я всегда подчинялся своей судьбе,

по натуре я не боец и во многих случаях наверняка опустил бы руки, если бы не мой давний друг Моне, который по натуре как раз боец, — он поддерживал меня и помогал снова встать на ноги»⁶⁵. Хотя Ренуара никогда не отличала прямолинейность Моне, он использовал упорство своего друга в собственных интересах, а мужество Моне вдохновляло его всю жизнь. Ренуара часто называют пассивным, робким и застенчивым, однако из его писем и поступков следует, что таким он был далеко не всегда.

Итак, Моне и Ренуар объединили свои усилия в конце 1860-х, как по личным, так и по творческим причинам, а также потому, что оба пользовались щедростью Базиля⁶⁶. Положение Моне тогда было даже бедственнее, чем у Ренуара. В 1867 году его натурщица и возлюбленная Камилла родила ему сына Жана (впоследствии Моне на Камилле женился). Отец Моне, бакалейщик, успевший овдоветь, отказался им помогать, потому что тогда же ребенок родился и у его любовницы. С июля по сентябрь 1869 года финансовые проблемы Моне только усугублялись. В этот период Ренуар сидел без гроша, ютился у родителей в Лувесьене, неподалеку от Сен-Мишеля, деревушки под Буживалем, где вместе с Камиллой и младенцем Жаном жил Моне. Ренуар почти каждый день ездил к ним в гости. В доме Моне он ночевал так часто, что несколько лет спустя Моне заметил в письме к Писсарро: «Ренуара сейчас здесь нет, тебе будет где переночевать»⁶⁷. В письмах к Базилю оба художника рассказывают о своей бедности и о совместной работе. 9 августа 1869 года Моне сообщает Базилю: «Ренуар привез нам хлеба от своих [родителей], чтобы мы не умерли с голоду»⁶⁸. Ренуар подтверждает то же самое в письме к Базилю из Лувесьена: «Я у родителей, но почти все время у Моне... Едим мы не каждый день. Однако я доволен, потому что для работы Моне — самая подходящая компания. Я почти ничего не пишу, поскольку у меня очень мало красок. Может, в этом месяце дела пойдут лучше. Тогда я тебе сообщу»⁶⁹. Дела действительно пошли лучше — через месяц Ренуар и Моне уже писали вместе в «Лягушатнике» (плавучем кафе в пригороде Парижа Круасси-сюр-Сен).

В конце сентября 1869 года, когда Базиль оказывал им финансовую помощь, Ренуар и Моне создали первые из сохранившихся подлинно импрессионистских картин — написаны они были в «Лягушатнике»⁷⁰.

(Примерно в это же время к импрессионизму пришел и Писсарро, однако его работы 1869 года погибли во время Франко-прусской войны.) Моне писал Базилю: «Ренуар, который провел здесь два последних месяца, тоже хочет писать эту картину [„Лягушатник“]»⁷¹. Получается, что они первыми применили этот новый стиль к пейзажам с мелкими фигурами. На пленэре каждый из них написал по пять работ, в которых использованы приемы, сегодня считающиеся типичными для импрессионизма: броские и разнообразные оттенки, световые акценты, цветные тени, кажущаяся случайной композиция с фигурами, как бы устремляющимися прочь за пределы рамы, мелкие, динамичные яркие мазки, которыми намечены неопределенные формы, расплывчатые детали, тающие края и линии, неоднородные массы. Помимо пяти парных картин из «Лягушатника», Ренуар и Моне в 1873 году создали, работая бок о бок, четырнадцать изображений одних и тех же пейзажей и натюрмортов. Кроме того, Ренуар написал одиннадцать портретов Моне и Камиллы⁷².

Несмотря на помощь Базиля, средств Ренуару не хватало, пришлось обращаться за поддержкой к другим состоятельным знакомым. Через два года после того, как Ренуар познакомился с Базилем, Моне и Сислеем в мастерской у Глейра, он встретил Жюль ле Кёра — тот, как и Мане, и Пьер-Анри Ренуар, был его старше на девять лет⁷³. Жюль происходил из богатой парижской семьи, члены которой изготавливали мебель для европейских королевских дворов. Неудивительно, что ле Кёра и Ренуара потянуло друг к другу. Ренуар, не имевший ни денег, ни связей, стал искать знакомства с Жюлем, одним из самых приветливых и щедрых студентов старшего курса. Жюль, который раньше занимался архитектурой, восхищался Ренуаром за его более обширный опыт в рисунке и живописи. Впоследствии Ренуар и ле Кёр сблизились еще больше, поскольку завели тайные романы с двумя сестрами.

О более ранних отношениях Ренуара с женщинами нам ничего не известно, Жюль же уже побывал в браке. Тогда и он, и его старший брат Шарль были преуспевающими архитекторами — они решили не идти по стопам отца. Жюль вступил в брак 4 мая 1861 года. В следующие полтора года ему пришлось пережить две трагедии. 3 ноября 1862 года у него родился сын, а через две недели и он, и его мать скончались⁷⁴. Опустошенный, ле Кёр отправился в путешествие по Европе, совершая ко-

торое осознал, что не хочет больше работать архитектором. 24 августа 1863 года он высказал в письме к матери желание стать живописцем⁷⁵. Получив ее одобрение, он в возрасте 32 лет поступил в мастерскую Глейра, где учился его двоюродный брат⁷⁶. Там в начале 1864-го он и познакомился с Ренуаром и его друзьями.

Ле Кёр и Ренуар стали близкими приятелями. Когда в конце того же года мастерская Глейра закрылась, Жюль и его родные, желая помочь Ренуару, стали заказывать ему портреты и росписи плафонов, а также покупая его картины. Кроме того, Жюль, как и Базиль, поддерживал Ренуара финансово и приглашал работать у себя в мастерской и жить в его сменявшихся домах — в Париже, Марлотте и Виль-д'Аврее. Таким образом, на третьем десятке лет Ренуар квартировал то у ле Кёра, то у Базиля. Жюль познакомил Ренуара с родными — его семье принадлежал просторный особняк на рю Александр Гумбольдт (теперь рю Жан-Долан) в Девятнадцатом округе, на северо-востоке Парижа. В этом семейном владении, состоявшем из жилой и деловой части, проживали все члены семьи, за исключением Жюля: его мать Фелиси, брат Шарль и две сестры, Луиза и Мари, с супругами и детьми. Отец Жюля, Жозеф ле Кёр, скончался в 1857 году. После этого старшая сестра Жюля Луиза — ей на тот момент было 29 лет, и она так и не вышла замуж — стала помогать матери вести семейное дело. Семейное предприятие, получившее в 1861 году название «Ле Кёр и компания», процветало — на нем трудились сотни рабочих, это была одна из самых известных столярно-мебельных мастерских в Париже; она даже участвовала в ремонте интерьеров Лувра⁷⁷.

Первое свидетельство о том, что Ренуар познакомился с родными Жюля, можно почерпнуть из письма, написанного весной 1865 года младшей сестрой Жюля Мари к мужу Фернану Фуке, известному минерологу и геологу: «Жюль завтра уедет, чтобы провести несколько дней в доме месье Брюне неподалеку от Фонтенбло. Месье Ренуар также поедет в деревню»⁷⁸. В то время Ренуар, Сислей и их друзья-художники пользовались гостеприимством ле Кёра в его съемном доме в Марлотте, почти в 75 километрах к юго-востоку от Парижа, рю ла Шемине Бланш (теперь — дом 30 по рю Делор)⁷⁹. Ренуар иногда привозил туда и брата Эдмона, начинающего семнадцатилетнего журналиста и писателя; впо-

следствии он помог брату получить место секретаря на предприятии ле Кёров.

В течение восьми лет, начиная с 1866-го, Ренуар написал для семейства ле Кёр довольно много картин. Сестра Жюля Мари так описывает его подход к делу: «Когда бедняжка не работает, он напоминает тело без души»⁸⁰. Ее наблюдение очень точно: все следующие 53 года, до самой своей смерти, Ренуар был одержим творчеством и, если позволяло здоровье, писал каждый день. Ле Кёры приобрели три его натюрморта: «Весенний букет», который он подписал: «О. Ренуар. 1866», и в том же году — «Цветы в вазе». Два года спустя он написал для Шарля ле Кёра «Корзину и куропатку». Помимо натюрмортов, ле Кёры приобретали у Ренуара и другие его живописные работы, например картину «Лиза с полевыми цветами в руках».

Но особенно охотно ле Кёры покупали портреты. Первым из них стало выполненное в апреле 1866 года изображение матриарха семьи, мадам Фелиси ле Кёр⁸¹. Когда она сделала Ренуару заказ, Мари уведомила об этом мужа. Через некоторое время он презрительно написал теще: «Я очень рад, что Вы заказали свой портрет, однако должен признаться, что предпочел бы, чтобы его исполнил кто-то другой, а не Ренуар. Я совсем не верю в талант этого молодого человека; на мой взгляд, и поведение его, и характер крайне неприятны. Боюсь, что впечатление, которое он на меня произвел, отразится и в портрете»⁸². Эти выпады, возможно, связаны с низким происхождением Ренуара, которое по-прежнему вызывало брезгливость у тех, кто еще не был покорен обаянием личности художника.

Весной 1866 года Ренуар продолжал работать над портретом матери Жюля, одновременно ожидая новостей о том, приняты ли Салоном две поданные им работы. Ренуар заранее дал Жюлю обещание, что сразу оповестит его о результате. Не имея от него известий, Жюль в раздражении написал матери: «Ренуар, эта свинья, уехал в понедельник и сказал, что напишет, как только что-то узнает. Полагаю, он не пишет, потому что пока никаких новостей нет. Однако мог бы все-таки сообщить, что пока ничего не знает, а не заставлять меня думать, что новости будут неприятными»⁸³. Жюль обзывает Ренуара «свиньей», но одновременно признает, что тот, возможно, еще и сам не осведомлен

о решении комиссии. В том же году Ренуар не только закончил портрет мадам ле Кёр, но и написал Жюля с его собаками в лесу Фонтенбло: это скорее пейзаж, чем портрет⁸⁴.

Через два года, в 1868-м, Ренуар предложил брату Жюлю Шарлю сделать портрет его жены и сына Жозефа у них в саду; он сделал набросок и послал его Шарлю⁸⁵. Эта работа осталась незаконченной, однако примерно тогда же Ренуар написал маслом этюд головы Жозефа. В 1869-м он создал портрет тещи Шарля, мадам Теодор Шарпантье. На следующий год были написаны портреты Шарля и его жены. После Франко-прусской войны Ренуар продолжал писать портреты членов этого семейства: старшую дочь Шарля Мари в двенадцатилетнем возрасте, его следующую дочь Марту в возрасте девяти лет, еще одну голову Жозефа. В 1874-м Ренуар написал поясной и ростовой портреты Шарля: на последнем тот изображен на открытом воздухе⁸⁶.

Шарль не только заказывал Ренуару портреты и покупал другие его работы, он организовал для друга возможность осуществить давнюю мечту: поучаствовать в оформлении интерьера, а именно расписать стены. Шарль и Жюль с детства дружили с румынским князем Георгием Бибеску (1834–1902), который еще мальчиком переехал в Париж. Бибеску учился во Французской военной академии, получил чин офицера, участвовал в составе французской армии в мексиканской и алжирской кампаниях. В 1867 или 1868 году Шарль работал над проектом городского особняка Бибеску в Седьмом округе Парижа, по адресу: бульвар Тур-Мабург, дом 22. При содействии Шарля Ренуар получил заказ на роспись двух плафонов в здании. Весной 1868 года он подготовил два акварельных эскиза, один в стиле Фрагонара, другой в стиле Тьеполо⁸⁷. Кроме того, он написал герб семьи Бибеску над камином в Фехтовальном зале⁸⁸. Особняк Бибеску был заложен 23 апреля 1869 года. Строительство прервала Франко-прусская война 1870 года, однако вскоре оно было возобновлено; Ренуар закончил стенные росписи в конце лета 1871-го⁸⁹. К сожалению, в 1910-е дом снесли и росписи Ренуара погибли.

Свободное от работы время Ренуар проводил в обществе Жюля. Начиная с весны 1865 года он часто жил у своего друга в его парижской квартире, в доме 43 по авеню д'Эйлау (теперь авеню Виктор Гюго), в северо-западной части Парижа, в Шестнадцатом округе. Когда в 1865 го-

ду работа Ренуара была впервые принята для показа на Салоне, в буклете с именами участников он указал именно адрес Жюля⁹⁰. Весной 1866 года, когда Ренуар находился в Париже и писал портрет мадам ле Кёр, Жюль пригласил его съездить с ним в Марлотт (куда уже уехал Сислей). Ренуар колебался — закончить ли работу в Париже, поехать ли с друзьями. Сестра ле Кёра Мари так описывает в письме его нерешительность и порывистость: «Вчера утром он наконец-то пришел поработать [над портретом ее матери] со словами, что решил не уезжать [в Марлотт]. Сегодня утром он был твердо уверен, что останется, но поехал провожать Жюля на вокзал и в последний момент отбыл с ним в Марлотт. Чемодана при нем не было, придется ему возвращаться за своими вещами»⁹¹.

Именно в Марлотте, несколько месяцев спустя, Ренуар создал первый свой групповой портрет, ставший также его первой жанровой картиной: «Трактир матушки Антони, Марлотт», где его друзья изображены после трапезы: стоящий мужчина с бородой, который скручивает сигарету, это и есть Жюль ле Кёр⁹². На переднем плане изображена одна из его собак, бишон Тото⁹³. Справа в шляпе — Сислей, он читает газету *L'Événement*, в которой Золя поместил благожелательный отзыв о друзьях Ренуара Моне и Мане. Кто такой безбородый человек напротив него, неизвестно. Обрамляют трио мужчин подавальщица Нана, слева, и хозяйка заведения матушка Антони — справа на заднем плане. На стене за их спиной — карикатура Ренуара на Анри Мюрже, автора «Сцен из жизни богемы», книги, по которой Пуччини впоследствии написал оперу: книга изображает богемное существование, чем-то похожее на жизнь Ренуара. Богемное движение в Париже с 1840-х по конец 1860-х переживало расцвет; оно славilo свободу духа, творчество, романтизм и отличающийся от общепринятого образ жизни, на который Ренуар и намекает карикатурой на Мюрже.

Через некоторое время после начала их дружеских отношений там же, в Марлотте, Жюль познакомил Ренуара с натурщицей Лизой Трео, которая с 1866-го по 1872 год оставалась самой важной женщиной в жизни художника. Сам Жюль встретился с Лизой вскоре после того, как начал заниматься у Глейра и возобновил отношения с одним из бывших своих друзей-архитекторов, Матье Трео, — тот представил Жюля двум своим сестрам⁹⁴. В 1866 году Клеманс было двадцать три года,

а Лизе — восемнадцать. Их отец Луи Трео держал винно-табачную лавку в доме 71 по авеню де Терн на северо-западе Парижа, в Семнадцатом округе, семья жила неподалеку. К 1866 году Клеманс стала любовницей Жюля. Жюль заказал Ренуару ее портрет. В том же году Ренуар написал акварельный портрет Жюля и Клеманс «Украденный поцелуй»⁹⁵.

Лиза Трео стала натурщицей Ренуара в 1866 году — она позировала для трех поясных картин: «Лиза за вышивкой», «Портрет Лизы» и «Женщина с птицей»⁹⁶. Следующие семь лет она оставалась единственной натурщицей художника. Она позировала для всех картин, которые он писал для ежегодных Салонов: для обнаженной, «Дианы-охотницы» (1867), «Лизы с зонтиком» (1867), «Летом. Цыганка» (1868), «Алжирской одалиски» (1870), «Купальщицы с грифоном» (1870) и «Парижанок в алжирских костюмах» (1872)⁹⁷. Первую и последнюю отвергли, остальные четыре были показаны на весенних Салонах.

Если сравнить фотографию Лизы (см. с. 51) с картинами, для которых она позировала, станет ясно, что Ренуар каждый раз сильно преобразовал ее облик. Ренуар тысячи раз изображал людей, но всегда идеализировал их в соответствии с канонами красоты, созданными художниками прошлого, — от ваятелей греческих статуй до Рафаэля, Рубенса и Энгра. Эти художники всегда льстили своим моделям, изображая их более красивыми, здоровыми и счастливыми, чем на самом деле. Но хотя Ренуар изменял внешность тех, кого писал, он предпочитал работать с натуры, поскольку ему важны были общение и вдохновение. Лиза была не только натурщицей Ренуара, но еще и его любовницей и музой. Она вдохновила его на создание первой романтической работы, «Лиза и Сислей» (1868), которую принято неправильно называть «Портрет Сислея с женой»⁹⁸.

В письме Базилю от сентября или октября 1869 года Ренуар называл эту работу «Лиза и Сислей», поясняя: «Я выставил „Лизу и Сислея“ у Карпантье»⁹⁹. Мари-Шарль-Эдуард Карпантье, державший магазин в доме 8 по бульвару Монмартр, снабжал Ренуара красками и багетом¹⁰⁰. Ренуар надеялся продать картину за 100 франков — в то время столько стоили большие фотографии модных фотографов Диздери и Адам-Саломона¹⁰¹. К сожалению, продать «Лизу и Сислея» тогда не удалось.

Возникает искушение предположить, что роман с Лизой подстегнул Ренуара к тому, чтобы писать влюбленных людей, — к этой теме среди импрессионистов обращался только он один. Безусловно, чувства к Лизе сделали картины, для которых она позировала, особенно страстными. «Лиза и Сислей» — первая из многих работ, изображающих романтические чувства на фоне современного Парижа, где красивые галантные мужчины ухаживают за прелестными, модно одетыми молодыми женщинами. Здесь, как и в более поздних работах Ренуара, любовь передана через взгляд, жест, позу. Романтическая тема была созвучна и жизни самого художника, и тому, чем он занимался или хотел заниматься. В бытность свою молодым здоровым общительным холостяком он создавал крайне новаторские сцены из повседневной жизни Парижа и его пригородов. Два года спустя, в 1870-м, Лиза позировала для «Прогулки» — первой романтической работы Ренуара в импрессионистическом стиле¹⁰². Изображая любовные сцены, Ренуар шел по стопам Буше, Фрагонара и Ватто, а также своего кумира Рубенса. Для этих романтических работ ему, помимо Лизы, позировали друзья-мужчины.

Поскольку живописью Ренуар зарабатывал мало, а никаких документов не сохранилось, трудно сказать, платил ли он Лизе за работу. Однако Лиза позировала не только Ренуару, но еще и Базилу. Связь между Ренуаром, Базилем и Лизой подтверждается в письме, которое Ренуар написал Базилу в 1869 году: «Лиза видела твое письмо»¹⁰³. В том же году Лиза позировала для работ Базилия «Картежник», «Молодая женщина с опущенным взглядом», «Женщина в полосатом платье» и «Женщина в мавританском костюме»; в 1870-м она позировала ему для картины «За туалетом»¹⁰⁴.

Возможно, используя Лизу как натурщицу для «Женщины в мавританском костюме» в 1869 году, Базиль подал Ренуару идею его соблазнительной «Одалиски» (1870), парной к картине «Нимфа у источника» (1860–1870), где Лиза изображена обнаженной¹⁰⁵. Сходство мотива и горизонтальный формат заставляют вспомнить «Маху одетую» и «Маху обнаженную» Гойи. Однако, в отличие от Гойи, Ренуар изобразил две фигуры в зеркальном отражении. Примерно в то время, когда писалась «Нимфа у источника», Лиза родила Ренуару ребенка, а ко времени работы над «Одалиской» была беременна вторым.

Эрлих-Уайт Б.

Э 79 Ренуар. Частная жизнь / Барбара Эрлих-Уайт ; пер. с англ. А. Глебовской. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 496 с. : ил. + вкл. (32 с.).

ISBN 978-5-389-15253-3

На долю Ренуара выпало немало испытаний. Тридцать лет удручающей бедности и бесприютности, за ними — тридцать лет мучительной жизни в плену неизлечимого недуга, неумолимо грозящего лишить стареющего художника возможности заниматься живописью. Подлинная жизнь-преодоление была уготована автору светлых, искрящихся полотен, непревзойденному певцу земных радостей, каким Ренуару суждено было войти в историю живописи.

Биография, опубликованная в 2017 году авторитетным исследователем жизни и творчества художника Барбарой Эрлих-Уайт, стала итогом нескольких десятилетий изучения творчества художника, обширного корпуса источников, в числе которых свидетельства современников, газетные публикации, а также около трех тысяч писем, написанных Ренуаром, Ренуару и о Ренуаре. Проанализировав эти бесценные материалы, автор по крупицам собирает образ одного из самых знакомых зрителю и одновременно сложных и неоднозначных художников, с фактами в руках опровергая распространенные заблуждения относительно его характера, отношений с коллегами, дилерами и моделями.

УДК 7.07
ББК 85

Литературно-художественное издание

БАРБАРА ЭРЛИХ-УАЙТ
РЕНУАР
ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова
Редакторы Анна Щеникова-Архарова, Екатерина Васильева
Художественный редактор Валерий Гореликов
Верстка цветных вклеек Вадима Пожидаева-мл.
Технический редактор Татьяна Раткевич
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова
Корректоры Ирина Киселева, Наталья Бобкова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 11.03.2019. Формат издания 70 × 100 1/16.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 43,83 (вкл. вклейки). Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru
В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru
В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru
Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

V-AAT-23631-81-R